

К 100-летию Федора Абрамова

Олег ТРУШИН

«И ГДЕ ГАРАНТИЯ, ЧТО С НАМИ НИЧЕГО НЕ СЛУЧИТСЯ?»¹

В октябре 1973 года Федор Абрамов в составе группы советских писателей едет в Англию. Обычная творческо-экскурсионная поездка. Но по этому поводу в абрамовском архиве сохранился очень любопытный документ, создание которого для Федора Абрамова было явно продиктовано очень серьезными опасениями за свою жизнь и за жизнь Людмилы Владимировны. Речь идет о завещании, написанном рукой Федора Александровича:

Уважаемые товарищи, друзья!

Едем в Англию, и где гарантия, что с нами ничего не случится? Очень просим в случае несчастья все вещи наши и деньги, хранящиеся в сберкассах, передать нашей племяннице Абрамовой Галине Михайловне.

Знаем, это не документ.

И все же очень и очень просим принять все меры, чтобы выполнить нашу волю.

Что касается до моих рукописей и всех бумаг, то их передать другу моему Мельникову Федору Федоровичу.

Ф. Абрамов

Л. Крутикова

15 октября 1973 г.

22 ч. 25 мин.

Однозначно, что такой документ не мог родиться на пустом месте. И в самом деле, чего боялся Абрамов? Действительно ли так серьезно опасался за свою жизнь? И если такие опасения были реальностью, то чем они были вызваны?

Олег Дмитриевич Трушин родился в 1969 году в г. Шатура Московской области. Окончил Государственный социально-гуманитарный университет (исторический, психологический, юридический факультеты). Прозаик, член Союза писателей России и Союза писателей Союзного государства. Автор более 1500 работ (повести, рассказы, очерки, эссе, статьи) об истории, культурном наследии, природе России. Публиковался в журналах: «Живописная Россия», «Юность», «Отчий дом», «Юный натуралист», «Детская роман-газета», «Родовое имение». Многие годы постоянный автор национального журнала «Качели» Республики Беларусь. Автор 18 книг. Лауреат многих международных и российских литературных премий, в том числе премии Центрального Федерального округа РФ в области литературы и искусства, Литературной премии им. М. Пришвина, Литературной премии им. А. Н. Толстого. Живет и работает в г. Шатура Московской области.

¹ Глава из готовящейся к публикации книги «Федор Абрамов. Я жил на своей земле». В основу книги положен личный архив писателя, хранящийся в Институте русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург. Продолжение. Начало см.: 2019, № 9, 12; 2020, № 1.

1973 год. Федор Абрамов в зените не только читательской славы, он один из ведущих советских прозаиков, известных не только в стране, но и за рубежом, номенклатурное лицо в Союзе писателей — член правления, автор трилогии «Пряслины», последний роман которой «Пути-перепутья» вышел в свет в первых двух номерах «Нового мира» за 1973 год. Его «Братья и сестры» продолжают шествовать по стране и миру. В начале 1973 года роман был переведен на молдавский язык.

Еще 14 марта 1972 года в письме к В. Косолапову в «Новый мир» Федор Александрович попросит отсрочки сдачи романа «Костры осенние» до 1 июня 1972 года. Косолапов, который, в общем-то, неплохо относился к Абрамову, идет навстречу.

Все последующие два месяца Федор Абрамов, не разгибая спины, будет усердно работать над правкой текста романа, и 3 мая, за месяц до определенного для себя срока, выведет роман набело.

30 мая состоялось заседание редколлегии «Нового мира», на котором помимо одобрения рукописи и принятия ее к публикации в адрес романа был высказан ряд замечаний, а именно:

1. Представляется заметно утрированной сцена на пароходе, в результате которой Подрезов был подвергнут критике. Вряд ли следует вводить в эту сцену несколько секретарей райкомов;

2. Хотелось бы, чтобы сцена заседания районного актива, сейчас несколько однолинейная, была художественно и психологически обогащена (полнее выписать характеры и мотивы выступления защитников и противников Подрезова, что дало бы, кстати, новые краски и самому образу Подрезова;

3. Это же замечание относится и к завершающей главе, когда Михаил Пряслин собирает подписи в защиту Лукашина;

4. Некоторые замечания касались отдельных реплик, формулировок и частных сюжетных положений, либо недостаточно психологически убедительных, либо преждевременных для начала 50-х годов, к которым относится действие романа. Работа над этого рода замечаниями возможна уже в ходе конкретной подготовки рукописи к набору.

Тогда вместе с редакторским заключением Абрамову была возвращена и рукопись романа с предложением исправить замечания к сентябрю текущего года.

Отправляя рукопись в «Новый мир», Абрамов несколько не надеялся на то, что его новая вещь будет принята редакцией именно в таком виде, в котором он ее видел сам. И он не ошибся. Предложенные редакцией замечания не представляли собой легковесного поверхностного налета на текст романа, а были весьма резким вторжением в сюжет романа и требовали его полной переработки.

На все лето Абрамов вновь погрузился в работу над «Кострами осенними», фактически переписывая текст заново.

Когда работа над правкой романа для «Нового мира» подходила к завершению, 30 августа из издательства «Современник» вместе с редакторским заключением и отрицательной рецензией В. Чалмаева была возвращена рукопись «Костров осенних», что очень расстроило Федора Александровича.

В частности, в рецензии Чалмаева говорилось: «Следует сразу же сказать, что для самого писателя по объему и главное по содержанию, уровню письма, этот роман, на мой взгляд, явно меньше, „мельче“, одностороннее предшествующих произведений.

...И все же в данном романе — и не только в изображении „руководства“, где реализм нередко вытесняется шаржем, стилем газетного фельетона — происходит досад-

ное сужение горизонтов, „русла“ мужицкой жизни, „приспособление“... картин крестьянской жизни для целей фельетонного изобличения культа личности, изобличения на определенный лад. И с философско-социальной и с художественной стороны эти страницы скудны, малохудожественны...

По сути дела в рукописи утверждается старый тезис В. О. Ключевского: „Народ хирел, государство крепло“...

Следует сделать вывод о явном сужении, односторонности авторского взгляда на события, саму эпоху 1948—1950 года; Ф. Абрамов написал роман в известной мере, противоположной прежним. Тема разоблачения культа личности (понятая на особый лад) привела его к утрированному, заданному конфликту (погонялы и «надсмотрщики», руководители и бессильная жертва «бессмысленных», юбилейных поборов...), к сужению диапазона народной жизни и характеров, к бедности содержания. Народа-освободителя нет, есть гонимая, усталая, собираемая масса. Рукопись, возможно, будет дорабатываться автором в сотрудничестве с журналом, где ее будут печатать... Хотелось бы, чтобы и данные замечания были поняты правильно, не как догматические наставления, а как действительная забота о сохранении таланта художника...»

Старший редактор «Современника» Т. Ильина в своем редакционном письме от 2 августа 1972 года всецело подтверждала позицию Чалмаева: «В романе сместились смысловые, идейно-художественные акценты... В рукописи есть ряд недозавершенных сцен, есть повторы, неточности... автору следует рекомендовать доработку романа».

По своей сути это была не просто резко негативная рецензия на роман, а резкий выпад критики в сторону абрамовского литературного таланта, ведь под сомнение была поставлена не только правильность всей сюжетной линии романа, но и вообще его ценность как литературного произведения. И в этой ситуации для Абрамова не пасть духом и сохранить творческий настрой было очень непростым делом. Естественно, «подбивать» роман под чалмаевскую рецензию Абрамов не станет, и в назначенный срок в «Современник» будет отправлена все та же переработанная для «Нового мира» рукопись, работу над которой Федор Александрович завершит к сентябрю этого года.

Уже когда роман находился в верстке в «Новом мире», Абрамов срочно просит Косолапова снять с рукописи романа название «Костры осенние».

Поводом к такому решению послужило короткое письмо читателя — жителя села Россось, что на Воронежской земле, Петра Чалого, корреспондента местной газеты, а в прошлом учителя русского языка и литературы, присланное Абрамову на адрес «Литературной газеты».

День добрый, Федор Александрович!

Пишет Вам читатель Ваших книг, почитатель Вашего таланта. В новогодние дни хочется пожелать Вам доброго здоровья, а остальное — часто говорит моя мама — дай бог, само приложится.

Федор Александрович, письмо-записку я решил написать вот почему — в «Литературной газете» да и в других изданиях читал о Вашей новой книге «Костры осенние». Но роман (или повесть) с подобным названием — «Костры осенние» — год-два назад издавался в Воронеже. И вроде бы запланирован к переизданию в Москве на 1972 год. Если не ошибаюсь, то в «Советском писателе», в «Тематическом плане» видел. Автор книжки — Ф. Певчев.

Впрочем, значения это большого не имеет, главное ведь не в этом. Но на всякий случай решил сказать Вам.

Еще раз всего Вам хорошего!

Спасибо за Ваши книги.

Петро Чалый.

Воронежская область,

с. Россошь,
ул. Алексеева, д. 26
19 декабря 1971 года

Абрамов тогда немедленно принял решение, найдя роману иное название. Так появились «Пути-перепутья». А Петру Чалому по указанному им в письме адресу Федором Александровичем было отправлено письмо с благодарностью.

Стоит отметить, что в своей книге «В поисках истины» Л. Крутикова, ссылаясь на абрамовский дневник, пишет, что новое название у романа появилось 1 августа во время их совместной поездки в Комарово.

— «Пути-дороги», — сказал я.

— Нет, «Пути-перепутья», — уточнила Люся.

Я сперва отверг начисто, а потом дня через два, решил: это как раз то, что надо.

В духе поэтики других названий, соответствует смыслу книги...

Возможно, что Людмила Владимировна вообще не знала о письме Чалого и приняла переименование романа в «Пути-перепутья» как само собой разумеющееся, без всяких вмешательств извне, а лишь по желанию самого Федора Александровича.

Вполне возможно, что название «Пути-перепутья» долгое время рассматривалось Абрамовым как одна из версий названия романа, и все-таки до декабрьского письма Чалого явно уступало «Кострам осенним». И только по чистой случайности заглавие «Костры осенние» все же было снято.

Продолжения пряслинской эпопеи читатели ждали. Многие в своих письмах, адресованных Федору Александровичу, спрашивали, будет ли продолжение романа, к примеру, М. Г. Дейнеко из Северодвинска в письме 24 февраля 1970 года: «Очень прошу Вас ответить будет ли написано Вами продолжение романа „Две зимы и три лета“?.. Если напишете примерно когда?.. Мне уже 70 лет».

В марте 1972 года издательство «Современник» сообщило Абрамову о том, что «Костры осенние» выйдут отдельной книгой в 1974 году, и уже осенью этого года «Литературная газета» публикует ряд глав романа, тем самым дав читателям надежду на скорую встречу с полным текстом произведения.

Отданные в «Новый мир» «Пути-перепутья» были приняты к публикации, проанонсированы и запланированы к выходу в первых двух номерах будущего года.

Но в какой-то момент уже отредактированный и набранный роман, перед самым выходом сигнального первого номера, был снят с публикации и передан в высокие инстанции. «Из меня уже снова пытаются сделать очернителя, снова раздуть вокруг моего имени скандальные слухи и кривотолки. Почему? На каком основании? Кому польза от того, что у нас повсеместно открыта зеленая улица для серости, для бескрылой и спекулятивной посредственности и с великими муками пробивает себе дорогу подлинный талант, по-настоящему, всем сердцем заинтересованный в росте и преуспевании своей страны? — напишет Абрамов в своем письме 2 января 1973 года секретарю ЦК КПСС, кандидату в члены Политбюро Петру Ниловичу Демичеву, в котором коснется не только романа „Пути-перепутья“, но и состояния журнала „Новый мир“ в целом. — Я верю, я хочу верить, что в Центральном Комитете партии, куда, как я полагаю, отправлен сейчас мой роман, найдутся люди, способные спокойно и объективно оценить мое произведение. Вместе с тем, как писатель-коммунист, хочу обратить Ваше внимание на то, что нельзя больше терпеть создавшееся положение в журнале „Новый мир“. В журнале нет авторитетного хозяина, среди сотрудников его нет

должного единства, а между тем, этот журнал, несмотря на то, что за последние годы претерпел немало невзгод и утратил былую славу, в глазах нашего, серьезного и взыскательного, читателя и в глазах читателя зарубежного все еще имеет репутацию ведущего журнала. Именно по нему в первую очередь судят о состоянии советской литературы».

Письмо к Демичеву было не просто отчаянным шагом Федора Абрамова вернуть «Пути-перепутья» в «Новый мир», но и, как видно из текста, высказаться и о «Новом мире».

Письмо Демичеву не было случайным. Абрамов верил ему, и эта вера не была напрасной, ведь именно Петр Нилович после встречи с Абрамовым 30 апреля 1972 года сыграл огромную роль в снятии запрета на публикацию повести «Вокруг да около», сохранявшегося без малого целое десятилетие.

4 января 1973 года, на следующий день после отправки письма Демичеву, Абрамов, явно находясь в подавленном состоянии по поводу случившегося, сообщал своему знакомому, писателю Василию Юровских в город Шадринск: «У меня началась новая трудная полоса в жизни».

Да, Абрамова долгое время, и начало 70-х в этом не было исключением, обвиняли не только в искажении понятия социалистического реализма, ставя под сомнения многие произведения автора, но и, более того, пытались наставить на путь истинный, приводя в пример высказывание того же Шолохова, что «социалистический реализм — это искусство правды жизни, правды, понятой и осмысленной художником с позиций ленинской партийности». Абрамову неоднократно указывали на то, что именно Шолохов нашел частный случай «противопоставления миров через противопоставление характеров» и лишь он один осмысленно использовал его — прием столкновения миров в душе одного человека, к примеру, в образе Григория Мелихова в «Тихом Доне», тем самым делая явный намек на судьбу Мишки Пряслина.

Один из анонимных читателей в письме Абрамову писал: «Вы взялись изображать безклассовое социалистическое общество, в связи с чем ответственны за глубокое и верное отображение эпохи его развития, а потому не вольны „шукарить“ (по примеру деда Шукаря в „Поднятой целине“ Шолохова. — О. Т.). А Вы? Должна же у Вас болеть душа за дальнейшую судьбу нашей литературы...»

Обращение к Демичеву и в этот раз возымело успех. В короткий срок «Пути-перепутья» были возвращены в «Новый мир» и даже успели попасть в январский номер. Абрамову лишь было предложено дописать концовку романа. Так в «Пути-перепутьях» появилась небольшая третья подглавка десятой главы с «летающими журавлями» и причастностью Мишки Пряслина к «делам всей страны», которая, по мнению редакции, придала оптимистический вид завершенности роману.

Возможно, хотя этому нет прямых подтверждений, что абрамовское письмо Демичеву сыграло свою роль в судьбе и «Нового мира», где вскоре сменился главный редактор. Косолапова на посту главреда сменил Сергей Наровчатов — именитый поэт, довольно заметная фигура не только в происходящем литературном процессе, но и общественной писательской жизни.

И как прежде, читательские письма, теперь уже с откликами на «Пути-перепутья», находили Абрамова и в ленинградской квартире, и в Комарове. Те, кто не знал абрамовского адреса, писали в «Новый мир» с неизменной просьбой переправить письмо Федору Александровичу. Так, некий Турченев в своем письме от 15 марта 1973 года, сравнив Абрамова с Толстым, а «Пути-перепутья» с «Казаками», привел в письме отрывок из рецензии Евгения Тура на «Казаки» из «Отечественных записок» 1863 года:

«В этой повести бездна поэзии, художественности, образности. Повесть не читаешь, не воображаешь, что в ней написано, а просто видишь: это целая картина, нарисованная рукою мастера, колорит которого поразительно ярок и вместе с тем верен природе; в нем с ослепительной яркостью соединена правда красок... Это сама жизнь с ее неуловимой прелестью».

Профессор Московского университета, литературовед Александр Овчаренко, прочитав «Пути-перепутья», писал автору романа: «Эх, дорогой Федор Александрович, знали бы вы, сколько рукописей приходится мне читать! Иногда берет огорчение, изработан что ли русский язык? Иссякло художественное воображение? И вдруг — Ваш роман, написанный таким первозданно-чистым, таким отвеянным языком. Горсть за горстью рассыпали Вы такие круглые, емкие слова, что за ними хочется ползать по полу и собирать как жемчужины, выброшенные на берег морским царем. Слова отливают у Вас, как отливает гранями хорошо отшлифованный алмаз. Я — равнодушен к драгоценностям, но, читая Ваш роман, чувствовал себя богачом, перебирающим, пересыпающим из руки в руку алмазы... великолепных, очищенных от шелухи русских слов».

Но находились и такие, кто вместе с восторженными отзывами о романе видел в нем ярко проступающий незаконченный лейтмотив повествования о Пекашине и его обитателях. «Я не согласна с таким концом Вашего романа «Пути-перепутья» и прошу продолжить его, — писала 20 апреля 1973 года О. Дубровина из Киева. — Нельзя обрывать на таком остром моменте. Читатели хотят знать, чем же закончилось с Лукашиным и с авторами защитительного письма, и с Зарудным. И хочется еще встретиться с симпатичным Михаилом и его сестрой Лизой. Дайте же нам это свидание».

Солидарен с Дубровиной был и Л. Лебедев, написавший в «Новый мир» 24 апреля 1973 года: «Жаль, что повесть не доведена до конца, а надо бы...»

Оборвав роман, по мнению читателей, на самом интересном, Абрамов поставил точку в последней строке, но не поставил таковой в умах читателей, призвав их тем самым глубоко поразмыслить, проанализировать судьбы Михаила и Лизы Пряслиных, подписавших письмо, и Егорши, не пожелавшего этого делать, Лукашина, оказавшегося под следствием, и многих других героев романа, чьи образы, как бы отступив за кулисы действия, стали своеобразным фоном для драматической развязки, концовку которой должны были довершить сами читатели. Заставить читателя думать — вот цель абрамовского слова! И в то же время Абрамов, выводя в свет «Пути-перепутья», понимал, что читатель неминуемо запросит продолжения, вот только в этом продолжении Федор Абрамов отступит во времени на целые двадцать лет.

И тем не менее даже публикация «Путей-перепутей» в «Новом мире» и получение огромного числа благодарных читательских откликов на роман, выход в свет сборника «Последняя охота» с реабилитированной повестью «Вокруг да около», январская поездка в Японию и короткий десятидневный выезд в Верколу с заездом в Суру не принесли спокойствия абрамовской душе.

7 апреля с ощущаемой тревогой и мыслями о происходящем вокруг романа Абрамов в письме писательнице Симиной Г. Я., просившей у Федора Александровича предисловие к своей книге сказок, скажет: «Мой новый роман „Пути-перепутья“ начали громить в Москве, причем в очень высоких инстанциях. В этих условиях мое предисловие не только не поможет Вам, а лишь повредит... Надо мной разразилась или разражается очередная буря. Тяжело и горько все это, но будем мужаться».

Кроме того, после выхода в свет «Путей-перепутей» в ряде периодических изданий стали появляться сомнительного содержания критические статьи, в тексте которых были намеки на несовершенство произведений Федора Абрамова.

Так, в третьем номере за 1973 год журнала «Нева» была опубликована статья Юрия Андреева «Большой мир (о прозе Федора Абрамова)», породившая массу вопросов как у самого Абрамова, так и у читателей. В частности, в статье Андреева говорилось: «Я думаю (смею высказать гипотезу), что Ф. Абрамов исподволь готовится к самому трудному в писательском ремесле делу: к созданию образа современника, который будет ему самому по сердцу, будет близок авторскому пониманию того, каким должен быть человек сейчас. Многочисленными и непростыми подступами к решению этой трудной задачи он уже овладел». Словно все, что было создано Абрамовым прежде в литературе, имело всего лишь промежуточный характер и не воспринималось самим автором должным образом. Столь странный вывод автора статьи не мог не вызвать абрамовского негодования, и письмо Федора Александровича в «Неву» не заставило себя долго ждать.

Помимо статей такого рода были и публикации содержательного характера, раскрывающие в той или иной мере объективность абрамовской прозы, которых было значительно больше: Феликса Кузнецова «Люди деревни Пекашино: полемические заметки» в «Комсомольской правде» и Шамиля Галимова «Конфликты и характеры» в журнале «Москва», Всеволода Сурганова «От романа к роману» в «Литературной газете» и Владимира Новикова «В галерее реальных характеров» в «Литературном обозрении»...

Читатель Владимир Шевченко из поселка Новый Донецкой области после прочтения ряда негативных критических статей в адрес «Путей-перепутей», сетуя на их не-объективность, зимой 1973 года писал Абрамову: «Пытаются обвинить писателя Абрамова в очерничестве нашей советской действительности тех дней, и даже в художественной лжи, не хватало только подобрать статью уголовного кодекса».

Но и положительная критика, и поддерживающие писателя читательские письма не смогли загасить разгорающегося костра травли «Путей-перепутей», что заставило Абрамова изменить планы. Пришлось отложить поездку в Северодвинск, где совет работников библиотеки Дворца культуры имени Ленинского комсомола наметил 13 мая провести читательскую конференцию по романам «Братья и сестры» и «Две зимы и три лета». Отправив приветственное письмо участникам конференции, извинившись, что не может приехать, Федор Александрович укатил в Москву спасать «Пути-перепутья», выход которых отдельной книгой в издательстве «Современник» уже был поставлен под угрозу. И снова хождение по высоким инстанциям, разговоры в «Новом мире» и в издательстве «Современник», долгая встреча с Демичевым, который с 14 ноября 1974 года станет руководить Министерством культуры СССР, сменив на посту министра Екатерину Фурцеву.

И не только «Пути-перепутья» в «Современнике» столкнулся с редакционным непониманием, но и новый абрамовский рассказ «О чем плачут лошади» не смог преодолеть цензурный заслон в журнале «Дружба народов». 5 апреля 1973 года с сопроводительным письмом заместителя главного редактора журнала Л. Теракопьяна он был возвращен автору с пометкой, что нужно изменить название рассказа, так как в нем «невольно звучит мотив тоски по прошлому, плача по нему, причем по прошлому доколхозному», и необходимо «ввести в рассказ мысль о диалектическом прогрессе, который несет с собой не только обретения, но и утраты», при этом Теракопьян ссылается на то, что «восстановить прежнее отношение к лошадям невозможно, однако счастливые времена для лошадей не всегда были добрыми к человеку. И, кажется, сказать об этом не было бы лишним. Хотя бы фразой».

Так, Федор Абрамов был вынужден дать рассказу новое название — «Сказки старой лошади» — неблагозвучное, грубое, словно топором вырубленное, но позволившее усыпить бдительное око цензоров. Вскоре после публикации этот заголовок был снят Абрамовым, и рассказу вновь было возвращено прежнее имя.

Небольшой по объему, лиричный и в то же время до краев наполненный неисчерпаемой грустью рассказ, основанный на детских воспоминаниях, был больше чем просто повествование о лошадях, которые стали всего лишь определенным фоном для человеческих взаимоотношений. И Рыжуха, которой досталось в работе «не меньше чем ее подругам», но «сумевшая сохранить свой веселый, неунывающий характер, норовистость молодости», и прямая ей противоположность Карько, ставший от работы на лесоповале доходягой, которого в самый День Победы подвели под несчастный случай, обрушив на спину тяжелые бревна со штабеля, чтобы отметить великий праздник с мясом, не так часто бывавшим на столах колхозников, они были всего лишь вуалью, за которой явственно проступали судьбы крестьян-колхозников, для которых Победа не стала облегчением в их тяжелом труде, а, наоборот, возложила на их плечи еще больший труд на многие последующие годы.

Много было читательских откликов на этот, казалось бы, с первого взгляда незамысловатый рассказ, отдающий «детскостью», но самым точным, пронзительным было письмо все той же Веры Бабич.

Понимая глубину мысли, заложенной автором в рассказе, словно заглядывая в потаенные закрайки абрамовской души, она напишет ему в апреле 1976 года: «Какая тоска живет в тебе! После этого рассказа я посмотрела на твой портрет и увидела в твоих глазах тоску не „тяжелую лошадиную“, а глубокочеловеческую... Все лучшее, что тебе дала земля родная... живет в тебе, и никому его не вытравить. Оно светло, оно благородно это все, оно человечно... В каждой строчке твоей трепетное сердце, сердце твое. Все, что ты написал, будет долго жить, будет волновать сердца людей, потому что ты твой талант перелил в слово, в котором великая любовь к народу, и он тебе ответил своей любовью. Талант настоящий, глубокий всегда рождает в сердце читателя грусть, волнение, радость, боль и все то, что вызывает в нас чудная музыка — и слезы, и любовь, и все то, что невозможно выразить словами». И как заключение — короткое стихотворение, тонко передающее смысл рассказа:

Есть тоска лошадиная,
В ней судьба непроглядная, длинная,
В ней покорность старинная,
Вечный труд и готовность трудиться
И на бунт никогда не решиться.

Не будем забывать, что рассказ писался в очень непростое для Абрамова время, и это не могло не отразиться на его внутреннем содержании.

И словно спасение от всего этого кошмара, стоившего немало потраченных нервов и времени, которое можно было вполне использовать на писательство, — майская длительная командировка в Сибирь, к берегам Енисея, и последующий выезд в начале июля на два месяца в Дом творчества Дубулты.

Одна литератор, отчего-то пожелавшая остаться неизвестной, по всей видимости желая поддержать Абрамова в непростое для него время, писала в Дом отдыха на рижское взморье: «Спасибо за Ваши книги. О том, что каждая из них — событие в литературной жизни, Вы знаете. Я хочу сказать, что они — событие в моей жизни: прочитав Ваше, я долго не могу писать. То, о чем пишу я, кажется ничтожным, как пишу — пло-

хим. И это — благо. После книг Ваших нельзя писать вяло, „гладко“ и о „гладком“, нельзя уходить от наболевшего и, как порой кажется, неразрешимого. Ваши книги дают мужество молчать, а если уж писать, то в полную меру сил, честности и таланта, сколько его ни отпущено на мою долю».

И вся эта ненужная кутерьма вокруг его имени и написанного нового романа, сопряженная с ложью и завистью, разворачивалась еще и на фоне весьма неприятных обстоятельств, в которые Федор Александрович не по своей воле все же был втянут — кампании против Александра Солженицына в связи с выходом за рубежом его документального романа «Архипелаг ГУЛАГ» и академика Андрея Сахарова, обвиняемого в клевете на социалистический строй.

Уже находящемуся в Дубултах Федору Абрамову в начале августа по телефону было предложено подписать коллективное письмо, подготовленное в правлении союза, в котором писателями осуждались действия Солженицына и Сахарова. В частности, в тексте письма говорилось, что «поведением таких людей, как Сахаров и Солженицын, клеветующих на наш государственный строй, пытающихся породить недоверие к миролюбивой политике Советского государства и по существу призывающих Запад продолжать политику „холодной войны“, не может вызывать никаких других чувств, кроме глубокого презрения и осуждения».

Абрамов категорично, со свойственной ему экспрессией, наотрез отказался подписывать писательскую коллективу.

Это был вызов совершающейся над людьми несправедливости, мириться с которой он просто не мог и уже не хотел. Абрамову с лихвой хватило той яростной борьбы с космополитами, в которую он втянулся в начале 50-х и которой стыдился, ругая себя всю свою оставшуюся жизнь.

Когда 31 августа в вечерней программе «Время» диктор зачитал письмо писателей, то среди оглашенных подписей значились имена Чингиза Айтматова, Валентина Катаева, Расула Гамзатова, Сергея Михалкова, Михаила Шолохова, Константина Симонова, Георгия Маркова, Константина Федина, Сергея Наровчатова (в то время еще и первого секретаря Московского отделения Союза писателей), но фамилии Федора Абрамова не было.

По возвращении в Ленинград Федор Александрович запишет в своем дневнике: «На глазах всего мира совершается очередная русская трагедия: великого патриота (Сахарова. — О. Т.) клеймят как изменника Родины, как предателя своего народа.

И кто клеймит? Все тот же народ... О, Россия, Россия... Когда же ты хоть немного поумнеешь?»

Какой же была цена этому поступку Федора Абрамова?

Отказываясь подписать открытое письмо писателей в газету «Правда», Федор Александрович скорее всего понимал, что могло повлечь за собой такое свободомыслие. Можно быть вполне уверенным, что уже вскоре после отказа поставить подпись о его поступке уже знали в ЦК партии, ведь письмо предназначалось для публикации не куда-нибудь, а в главную газету страны. При таком раскладе Абрамов мог запросто встать в один строй с Сахаровым и Солженицыным, а с учетом его прошлых «заслуг» это могло произойти довольно просто. По сути, это был еще один осознанный абрамовский акт самосожжения, говорящий о нежелании быть чиновничьей марионеткой. И не в этом ли абрамовском поступке сокрыта разгадка его последующего октябрьского завещания? Абрамов вряд ли надеялся на то, что ему сойдет с рук этот поступок, вот и подстраховался на всякий случай, отправляясь в дальнюю заграничную поездку, в которой могло случиться все что угодно.

В августе этого года «Вопросы литературы» снимают с публикации запланированное и уже анонсированное интервью Федора Абрамова. Редакционный аргумент прост — обязательства перед ранее поступившими материалами Константина Симонова и Сергея Залыгина. Между тем Абрамову также предлагается доработать интервью «более подробным рассказом о последней... и самой значительной!.. работе („Пути-перепутья“») — именно так будет значиться в ответном письме главного редактора В. Озерова 27 ноября 1973 года.

Едва вернувшись из Дома отдыха, уже в первых числах сентября Абрамов уезжает на Пинегу. Нежелание мириться с тем, что происходило в это время в писательских кругах по отношению к Солженицыну и Сахарову, влекло его подальше от Москвы и Ленинграда. 2 сентября он делает запись в дневнике: «Я скоро еду на Север, и одного боюсь: как бы меня как члена секретариата Ленинградской организации автоматически не поставили под каким-нибудь верноподданническим письмом...»

Эта осенняя поездка на родину была наполнена не только радостью встречи с Пинежьем, но и массой добрых встреч с читателями, одна из которых прошла в архангельском порту на борту сухогруза «Игорь Грабарь» и стала для Абрамова одной из самых запоминающихся на всю оставшуюся жизнь.

Неизвестно, как бы дальше складывалось отношение к Федору Абрамову со стороны властей, да и Союза писателей, если бы не вмешательство Демичева, встреча с которым состоялась у Абрамова 1 ноября, как раз в тот самый день, когда в церкви Михаила Архангела, знаменитой на всю Москву «Меншиковой башне», что на Чистых прудах, отпевали скончавшегося двумя днями раньше Бориса Шергина, перед творчеством которого Абрамов низко склонял голову и о чистом слове которого однажды в своих дневниках сделал такую пометку: «Аввакумовский язык, только в смягченном варианте. Вот бы так писать!» И тем не менее, несмотря на важность предстоящей встречи, Федор Александрович все же успел проститься с Борисом Викторовичем, а вот проводить в последний путь на Кузьминское кладбище знаменитого поморского писателя, автора удивительных «Архангельских новелл», уже не смог: отложить столь высокий прием в Секретариате ЦК Абрамов был не в силах.

Так или иначе, но с определенной долей вероятности можно предположить, что встреча с Демичевым и на этот раз помогла Абрамову, разогнав грозовые тучи, набравшие свою мощь над его непокорной головой. Наступил некоторый период относительного спокойствия, ознаменовавшийся для Федора Александровича рядом позитивных моментов на ниве литературы — выходом новых книг, театральных постановок и награждением Государственной премией СССР за трилогию «Пряслины», в реальности присуждения которой он сомневался до последнего дня.

Возвращаясь к поездке Федора Абрамова в Англию в октябре 1973 года, уместно будет упомянуть об одном примечательном эпизоде, связанном с просмотром делегацией советских писателей художественного фильма «Иисус Христос — суперзвезда», с аншлагом проходившего в кинозалах Америки и Европы, который был снят в США режиссером Норманом Джуисоном по знаменитой рок-опере и главную роль в котором сыграл Тед Нили.

Этот едва заметный случай из биографии писателя весьма ярко характеризует внутреннюю составляющую характера Федора Абрамова — крупного писателя и в то же время просто человека, сильно подверженного эмоциональному осмыслению увиденного.

Об этой сцене просмотра фильма и последующего его «разбора» поведал мне писатель Михаил Сергеевич Глинка, присутствовавший в составе той писательской делегации. «Когда Федору Александровичу после посещения советского посольства пред-

ложили посмотреть кинофильм „Иисус Христос — суперзвезда“, Абрамов, сказав, что это кошунство — снимать такой фильм, отказался. Но после того как предлагавший объяснил, что фильм одобрен самим Папой Римским, который высказался о нем как о произведении искусства, Абрамов, по-пинежски налегая на „о“, сказал:

— Ну, папа нам тут-то не указ. Ну, хорошо, пойдем.

Фильм был на английском языке, титров не было, и Абрамов специально посадил переводчицу рядом с собой.

После просмотра фильма, когда все вышли из кинозала, случилось так, что Федор Александрович, а он был лидером в группе, безусловно оказался в эпицентре нашего внимания, собрав всех вокруг себя. Наша группа чувствовала, что Абрамов под большим впечатлением от просмотра и ему есть что сказать.

И вот Федор Александрович, крепко хлопнув ладонями по коленям, произнес всего одно слово: „Пронзение!“, после чего, посмотрев на всех, начал развивать свою точку зрения на концепцию того, что он только что увидел на экране: „Ну, по сценам разберем, по сценам. Вот сцена-то с подавием. Они там все Христу: «Дай да дай, дай да дай». А как тут дать-то, всем-то?! Нет! Вы уж тут наверное размежуйтесь: у которых ничего нет — в одну сторону, а у которых есть — так чего давать-то? Всем-то одно не дашь“.

Мы все, затаив дыхание, слушали Абрамова.

Тяжелый абрамовский взгляд, прищур глаз — все это было в Федоре Александровиче не следствием грубости натуры, внутренней сухости, а результатом глубоко работающей мысли.

Коснулся он и сцены, в которой танк гонится за негром по пустыне (режиссер фильма вместо римского легиона ввел в сюжет фильма танки. — О. Т.), и тот, убегая, чувствует, что ему не спастись.

Абрамов, сам прошедший войну, относительно этой сцены сказал: „Убегая, он все оценивал: спасется — не спасется, будет больно — не будет. Важно, что это негр или не важно? Человека-то танк все одно-то задавит, я-то знаю, от танка-то не уйдешь. И потому мне-то уже и не важно, негр он или не негр. Он — человек! И сейчас ему конец придет.“

Потом вот плач Марии Магдалины. Что вот так она заливается? Да — гуляющая, а все одно как плачет-то она. Душа есть!

Или вот торгующая во храме. На базар-то зашел и там все лежит. Зачем в храме-то, зачем в храме-то расположились?! Тут-то нельзя торговать-то, тут не то место-то!“

Мы очень внимательно, стоя рядом, слушали Абрамова, — продолжал Михаил Сергеевич. — Он был весь погружен в свой рассказ и его вид говорил о глубокой работе мысли. И все же, в этот момент осознания увиденного в потоке мысли слились воедино вместе с глубоким раздумьем над фильмом и его творческая непосредственность, воплощенная в способности действовать по внутреннему влечению глубинных порывов души, искренне выражать свои чувства и эмоции, душевные переживания. И в этом он, словно невинное дитя природы, выражал, так сказать, ощущение подростка, только что увидевшего в своей жизни что-то новое и его очень сильно поразившее. Он, фронтовик, воочию видевший смерть, сумел глубоко в своей душе сохранить ту подростковую восторженность, и может быть даже в чем-то наивность».

Ну а теперь, вернемся к «Пулям-перепутьям».

14 ноября состоялось очередное заседание секции прозы и критики Ленинградского отделения Союза писателей. На повестке был всего один вопрос — обсуждение нового произведения Федора Абрамова — романа «Пути-перепутья».

Выступавших было много, и мнения были разные. Кто-то, как это сделал Юрий Андреев, председательствовавший на секции, расхваливая роман от корки до корки, не забыл упомянуть и «Тихий Дон», поставив в один ряд с Мишкой Кошевым пекашинского Мишку Пряслина — эдакого «неистового сельского Марата». Он же, впад в безудержные, отчасти нелепые сравнения, «разоблачая» образ Егорши, заявил, что тот «тип не социальный, но психологический, страшная фигура, которая существовала во все времена — от черносотенцев 1903 года до фашистов 1933-го, власовцев — 1943-го и чилийских погромщиков — 1973-го», чем вызвал оправданные удивления присутствовавших и самого Федора Александровича.

Литературовед Исаак Эвентов, прежде чем охарактеризовать новое абрамовское творение, заострил внимание на начале литературного пути Абрамова, вспомнил «оттепелый» 1954 год, когда автора «Люди колхозной деревни...» называли не иначе как «требовательная доброта» и «сражающийся современник». О «Пути-перепутья» Исаак Станиславович отметил, что «сущность труда Абрамова в том, что он не может пройти мимо тех драматических обстоятельств, которые пережила деревня в 50-е годы», и что роман нужно воспринять как «звено в летописи деревенской жизни», за которым последует «звено 4-е, где действия и все герои будут перенесены почти на 15 лет», и что «наш гражданский и писательский долг — отвести от Абрамова хулу и напраслину, которая мешает ему работать, а читателям понимать его произведения».

Кратким, но очень содержательным было выступление Юрия Рытхэу: «Абрамов романом „Пути-перепутья“ доказал еще раз, что писатель должен быть честным. Рецензии на роман обтекаемы. Книга у каждого вызывает свое. Это защита нашей истории от легковесного ее восприятия, истории в ее трудностях, истории, вырастающей в труде. От собратьев Абрамову — доброе слово».

Владимир Соловьев, тогда самый молодой, 31-летний литератор в секции, впоследствии ставший диссидентом, а ныне — известный российско-американский писатель, проживающий в Нью-Йорке, по-своему оценил композицию романа: «В романе ощущается и некоторый мелодраматизм. Композиция романа не совсем ровная, слишком последовательная, „просторная“, словно глубокий вдох. После такого начала ждешь широкого и продолжения. Вторая же часть какая-то торопливая, прерывистая, усеченная, автор словно хочет быстрее связать концы с концами (Михаил и Рая), углы сглажены. Вдох глубокий, но нет соответствующего выдоха».

Упрекнуть Владимира Исааковича в его словах относительно композиции романа вряд ли было возможно, да и сам Федор Александрович в своем ответном искреннем выступлении на этот счет смолчал. «Из кожи вон лезешь, пытаешься быть честным, сказать со своей точки зрения важные слова, а получаешь — „очернитель“, „прохожий с тросточкой“, — сказал тогда Абрамов. — За границей же подхватываются негативные оценки. И, стараясь сделать бизнес на наших ошибках, радостно хвалят — „разоблачители“, „бросает вызов“, „очернитель-патриот“...

Был и буду писателем критического направления. Но главное в моей работе — не отрицательный пафос, а с первой странички разговор о России, о своей стране, о нашем человеке, о нашем времени.

Не только не отрицаю, что являюсь бытописателем, но считаю, что словес нашей литературе хватает, а вот конкретного — что люди едят, о чем думают, сколько зарабатывают — вот этого не хватает. И счастлив, что люди замечают — я бытописатель. Стараюсь, чтобы в моих произведениях было больше „мяса“ жизни».

И под конец, словно принимая в чем-то критику, со свойственной ему прямоотой добавил: «Недостатки 3-й книги объясняются не только слабостью, но и довольно сложной судьбой книги. Она дошла до читателя не в самом лучшем виде». И в этом

нелестном в свой адрес признании тоже была его абрамовская правда — сказать так, как есть, не кривя душой.

А роман «Пути-перепутья» был принят не только на родине, но и за рубежом, куда только мог добраться «Новый мир».

21 ноября Федор Александрович получил письмо от Моники Слodziан, французской переводчицы, преподавательницы университета иностранных языков им. Мориса Тореза: «Недавно я предложила нашему издательству (Соединенное Французское издательство) перевести один из ваших романов — „Две зимы и три лета“ или „Пути-перепутья“ и наши товарищи согласились». И как выяснится впоследствии, французское издательство не станет делать выбор между этими двумя романами, они оба выйдут в свет на французском языке в 1975 году в переводе Моники Слodziан. Затем будут переводы на польский, финский, румынский...

Триумфальное шествие «Пути-перепутья» по Европе порядком снизило накал страстей вокруг романа, дав ему полный зеленый свет и на родине.

По-особому трепетное сыновнее отношение к русской деревне проявлялось у Федора Александровича не только в слове, но и в поддержке всех благих дел, связанных с этой темой. Все, что было так или иначе связано с вопросом о деревне, он воспринимал особенно близко и всячески старался поддержать то или иное начинание.

Так, в декабре насыщенного для Абрамова событиями 1973 года Федор Александрович всецело поддержал общественную идею установления в СССР памятников заброшенным деревням. Эта идея зародилась на Украине в городе Днепропетровске, а инициатором ее был Николай Лоскутов, направивший соответствующее письмо в Днепропетровский обком, заранее заручившись поддержкой Федора Абрамова. «Я очень благодарен за поддержку, — напишет он Абрамову в своем письме 4 декабря 1974 года, — оказанную Вами в вопросе о постановке памятников заброшенным деревням. Без преувеличения скажу, что Вы настоящий патриот России, никто так душевно не относится к этому вопросу как Вы».

К сожалению, тогда эта благая идея, так и оставшись в письмах-обращениях, не прижилась в чиновничьих кабинетах, а спустя время и вовсе была забыта. Память о погибших деревнях, кормивших страну в военные и послевоенные годы, а потом вдруг в одночасье ставших неперспективными, была не нужна в высоких коридорах власти. Ведь вспомнив о погибших деревнях, нужно было упомянуть и тех людей, что десятилетия, а то и века жили и работали в них, и, как следствие, ответить на очень неприятный вопрос: почему такое могло случиться в середине XX столетия?

Позже, в разговорах с близкими, Федор Александрович не раз вспоминал об этом хорошем начинании, родившемся на благодатной Днепропетровской земле. Вспомнил Абрамов об этом и во время встречи редакции и авторов «Нового мира» с читателями, состоявшейся в преддверии нового, 1974 года, 18 декабря в конференц-зале Выборгского Дворца культуры. Тогда помимо Федора Александровича во встрече приняли участие А. Вознесенский, Ю. Трифонов, критик В. Соколов и заместитель редактора журнала Олег Смирнов, который выступил в роли ведущего.

По давней традиции новомирцев каждый из участвовавших во встрече писателей после ее окончания расписался на программках друг у друга.

На приглашении Федора Абрамова поэт Андрей Вознесенский, с присущей ему искренностью и восторгом в слове, ценивший в человеке в первую очередь совесть, написал: «Люблю тебя!!! Андрей Вознесенский». Для Андрея Андреевича Федор Абрамов был тем же «шестидесятником», чье творчество всеми цветами радуги раскрылось именно в 60-е годы, порожденное хрущевской «оттепелью». И это «люблю тебя» было

не только дружеским признанием в любви, но и добрым словом всему творчеству Абрамова, низким поклоном всей его человеческой натуре за любовь к людям, за сердце, которое никогда не пребывало в праздности.

Да и сам Федор Александрович не только любил Вознесенского как человека, но и очень высоко оценивал его поэтическое слово. На знаменитом авторском вечере в Останкине на вопрос из зала «Какую роль в вашей жизни занимают музыка, живопись, поэзия?» Абрамов первым назвал Андрея Вознесенского, в поэзии которого «очень ярко, современными средствами, средствами НТР выражен дух нашей эпохи». И чуть раньше, 11 октября 1981 года, в Архангельске после просмотра спектакля «Дом» на встрече с архангелогородцами скажет: «Вознесенский — сложный поэт. Не все, я не все принимаю. Есть трюкачество, есть экспериментаторство, но какие есть стихи! Есть великолепные стихи: невероятная сложность, метафоричность, невероятная свежесть и необычность образной системы!»

Наступил 1974 год.

Работа над новым романом «Дом», первые черновые наброски которого появились еще задолго до завершения «Двух зим...» и «Путей-перепутей» осенью 1965 года, утряска всех дел, связанных с публикацией «Пути-перепутья», завершение воспоминаний о Твардовском, работа в совете по прозе Союза писателей СССР, краткосрочная творческая командировка в Западную Германию и другие неотложные дела не позволили Федору Александровичу выбраться на родину в Карпогоры, где на 24 декабря в Доме культуры была намечена читательская конференция по новому роману писателя пряслинской трилогии «Пути-перепутья». Извинившись перед земляками, Абрамов пообещал провести такую встречу с карпогорцами будущей весной, как только приедет на родину. И такая встреча 28 мая 1974 года действительно состоялась.

Вообще 1974 год, как никакой другой, будет для Федора Александровича богат на читательские встречи. Приглашения выступить посыплются на Абрамова одно за другим. Так, 25 февраля кафедра литературы и журналистики Высшей комсомольской школы, что находилась в Ленинграде, настойчиво просит Федора Александровича принять участие в читательской конференции. И вот уже 2 апреля новое приглашение на встречу с читателями в вечерней школе рабочей молодежи № 135 Ленинграда. А 6 мая Абрамов уже будет говорить о своих произведениях со студентами и преподавателями Архангельского педагогического института им. М. В. Ломоносова, студентом которого едва не стал сам в середине 40-х.

Не позабудут и Абрамова-шолохова. 7 марта Федор Александрович получит приглашение из секции литературоведения при отделении гуманитарных наук Северо-Кавказского научного центра высшей школы принять участие в апреле следующего года в конференции «Творчество М. А. Шолохова и литература народов Кавказа», посвященной 70-летию писателя: «Просим Вас, широко известного представителя Шолоховской школы в советской литературе и литературоведении, выступить на пленарном заседании конференции с 30—60-минутным докладом на „шолоховскую“ тему по собственному выбору („Общественно-политические и эстетические уроки творчества М. А. Шолохова“, „Творчество М. А. Шолохова и мой путь в литературе“, „М. А. Шолохов и советская литература“ и т. д.)». Не забудут пригласить и на будущий год в МГУ, где юбилей М. А. Шолохова будет отмечаться с еще большим размахом.

Аншлагом пройдет 24 ноября 1974 года творческий вечер Федора Александровича в Центральном Доме литераторов в Москве, на который билеты будут раскуплены задолго.

Это будет год не только многочисленных читательских встреч, но и время реализации больших планов как в творческом, так и в житейском отношении: работа над

сценарием и постановкой «Деревянных коней» на Таганке, что заставит разрываться между Ленинградом и Москвой, создание романа «Дом» и цикла рассказов-миниатюр «Трава-мурава», продолжение почти двадцатилетней работы над повестью о войне «Кто он?», которая так и останется в сотнях черновых листов.

В этом году после долгого перебирания за и против «Современник» все же издаст отдельной книгой «Пути-перепутья», один из экземпляров которой Абрамов в знак искренней благодарности за первую публикацию привез в «Новый мир» Косолапову, которого в этот момент не оказалось на месте.

Спустя время Валерий Алексеевич ответил писателю благодарным письмом: «26.06.1974 года... Вчера впервые после длительного перерыва приехал на работу в журнал и порадовался, увидев на столе Вашу новую книгу. Огромное Вам спасибо за подарок и за внимание. Как Вы, очевидно, понимаете, роман „Пути-перепутья“ мне очень дорог, и как давнему поклоннику Вашего писательского таланта, и как редактору „Нового мира“».

«Характер великого человека всегда сложный», — скажет однажды Абрамов о Твардовском, и эти слова можно в полной мере отнести и к самому Федору Александровичу.

По воспоминаниям знавших его людей, он был наделен натурой взрывной, запросто входил в раж, но и быстро отходил, не умел долго держать зла. «Заслуга» Косолапова в публикации «Двух зим...» в «Роман-газете», «Путей-перепутей» и «Деревянных коней», как только прошла череда всех этих эпопей, была Абрамовым быстро забыта. Даже после ухода Валерия Алексеевича с поста главреда «Нового мира» отношения между ними остались дружественными, и это несмотря на то, что по-прежнему находились те, кто пытался напомнить Федору Александровичу о роли Косолапова в «продвижении» его творчества. Но у Абрамова на этот счет, по всей видимости, все же было свое мнение.

«Купить Ваши книги в Риге просто невозможно», — эта строчка из письма 25 декабря 1974 года латвийской переводчицы Валентины Эйсуле наглядно подтверждает популярность писателя Федора Абрамова в Латвии, где в свое время вышел один из первых переводов романа «Братья и сестры».

И тем не менее издательские дела у Абрамова в Латвии в 1974 году шли неважно. «Пелагея» и «Алька», запланированные к выходу в одном из издательств, были перенесены на следующий год, так как в связи с нехваткой бумаги прошло сокращение издательского плана. И это еще не все. Переводившая повести Эйсуле сообщила Абрамову, что «Альку» нужно обязательно издать в сборнике на русском языке, так как по существовавшим правилам нельзя было публиковать в Латвии книгой то, что уже выходило на русском в журнальном варианте.

К счастью для «Альки», вопрос разрешился быстро, и повесть была включена в сборник «Последняя охота», вышедший в издательстве «Советская Россия», с предисловием Андрея Туркова, будущего автора очерка «Федор Абрамов», вышедшего отдельной книгой в «Советском писателе» в 1987 году. Свежеиспеченный сборник был немедленно отправлен Эйсуле в Ригу.

Латвийский перевод «Пелагеи» и «Альки» выйдет в одном из рижских издательств в августе 1975 года и будет иметь огромный успех у читателей. Сама же Эйсуле, отправляя Федору Абрамову книгу, с благодарностью признается в письме: «Вы мой автор и я Вас никому не отдам». И Эйсуле сдержит свое слово: благодаря ей пряслинская эпопея будет полностью издана в Латвии.

Случались в этот год и памятные для Абрамова встречи.

В начале декабря в квартире Абрамова на 3-й линии побывал Владимир Высоцкий. Произошло это во время гастрольной поездки «таганцев» по Прибалтике с заездом в Ленинград, куда они привезли с собой и только что родившихся «Деревянных коней».

Владимир Семенович и еще несколько артистов театра, в числе которых были Иван Бортник, Татьяна Жукова, Зинаида Славина, занятые в постановке «Коней», пришли на квартиру писателя уже поздно вечером. У Высоцкого была гитара, и можно только представить, что происходило в ту ночь в квартире Федора Александровича.

Приезд Высоцкого к Федору Александровичу не был случайным. И тут дело не только в театральной дружбе: работа Абрамова над постановкой «Деревянных коней» сдружила его со многими артистами труппы, даже не занятыми в спектакле. К слову, у Федора Александровича был особенный телефонный справочник артистов с Таганки, и он в любой момент мог позвонить любому из них на домашний или рабочий номер. Нельзя отрицать, что таких дружеских разговоров по телефону у Абрамова не было и с Высоцким.

Высоцкий прежде всего уважал в Абрамове писателя. В одном из своих интервью, данных корреспонденту газеты «Литературная Россия» 27 декабря 1974 года (статья «Владимир Высоцкий. Песня — это очень серьезно...» в № 52), вероятнее всего, вскоре после возвращения из Ленинграда, Владимир Семенович на вопрос, кто из писателей-прозаиков ему по душе, ответил: «Мне очень нравятся книги Федора Абрамова, Василия Белова, Бориса Можая — тех, кого называют „деревенщиками“. И еще — Василия Быкова и Василия Шукшина...»

В свою очередь и Федор Александрович высоко ценил Высоцкого, ценил его правду, высказанную в песнях.

Еще в марте 1980 года Абрамов окажет содействие артисту Театра на Таганке Вениамину Смехову в публикации в журнале «Аврора» его воспоминаний, где будет заметная глава о Владимире Высоцком. Именно в связи с этой главой «Воспоминаниям» не давали хода в печать более двух лет. Их опубликуют в пятом номере журнала, за два месяца до ухода Высоцкого из жизни, и он сам успеет их прочитать.

Публикация «Воспоминаний» Смехова в «Авроре» была не случайной. В это время при журнале действовала студия молодых литераторов, образованная в 1975 году, и Федор Александрович был активным ее участником. Когда Абрамов узнал, что «Воспоминания» не могут прийти к читателю столь длительное время, он сам предложил автору опубликовать их в «Авроре», возложив на себя груз ответственности за поданный материал.

Весть о кончине Владимира Семеновича в июле 1980 года застанет Абрамова в Верколе. Со слов племянника писателя Владимира Федор Александрович несколько дней ходил сам не свой, при этом не уставая повторять: «Высоцкий — это талантище! Понимаете? Талантище!!! Какого человека не стало!» Он искренне любил Высоцкого.

Но самым главным событием этого года станет для Федора Александровича обретение собственного дома в Верколе. Ради этого он даже делает невозможное — откажется от участия в майском Пленуме правления Союза писателей РСФСР и целый месяц проведет в родных местах, занимаясь реставрацией своей веркольской избы.

Все годы, приезжая на родину в качестве гостя, он неизменно будет жить с мечтой о собственном доме, и воплощение ее в реальность станет самым настоящим подарком, пусть и требующим немало хлопот. Конечно, дом семьи брата Михаила давненько стал для Федора Александровича родным. И все же свой дом — другое дело.

Об обретении Федором Абрамовым дома в Верколе и о годах, проведенных в нем, в свое время достаточно подробно рассказала супруга писателя в своей удивительной книге «Дом в Верколе».

Вопрос о приобретении дома в Верколе решился в самый канун Нового года.

17 декабря 1973 года Федор Александрович получил долгожданное письмо от Таисии Мининой, работавшей директором школы в поселке Новолавела.

Письмо было действительно желанным, так как оно касалось одного небольшого пустующего домика в Верколе, который Абрамов приметил уже давненько, да вот только решение о его покупке принял по весне, во время своего очередного приезда на родину.

Многоуважаемый Федор Александрович!

Письмо Ваше получила. Бабушкин дом мне тоже очень дорог, так как это последняя связь с родной Верколой. У меня там родных близких не осталось: отец убит в 1943 г., мать умерла в 1947 году (я еще училась в 9 классе Карпогорской школы), братьев и сестер у меня не было. Учила бабушка, а после института она жила у меня в Ловеле.

Да, жаль... а жить в Верколе муж и дети не хотят, т. к. в Лохнове (Покшеньге, муж оттуда) есть большой, хороший дом. Летом ездим в Покшеньгу отдыхать.

Если дом Вам понравился, я не возражаю. Правда, нужен ремонт печи, крылечка, изгороди (изгородь Вам надо поставить хорошую), ведь Вы для нас, земляков, большой авторитет, наша гордость.

Поэтому домик небольшой, продавать Вам неудобно как-то, вот я и молчала.

Сколько стоит спрашиваете? Я не знаю, могу подарить, если он Вам дорог. Да и у бабушки о Вас были теплые воспоминания...

Не откладывая в дальний ящик разрешение вопроса о приобретении дома, заняться оформлением купчей Федор Александрович попросил Нину Клопову, жену Федора Клопова — двоюродного брата писателя, которой и перевел требуемую денежную сумму. По всей видимости, Федор Александрович за ценой не особо стоял. Хоть и плохенький был домишко, а принять его в дар Федор Александрович все одно не мог. Все же дом приобретал!

Конечно, Федор Александрович мечтал не о таком собственном веркольском доме. Глубоко в памяти сидел образ родительского дома — шестистенка с заулком, что соединяет две избы, на высоком подклете, где семь окон на девятом венце, и непременно с обязательным домом-двором в два яруса с взвозом, да охлупнем на коньке с грудастым конем на фасаде. И этот образ дома с конем никак не вязался с тем малым низеньким домишком с тремя небольшими окошками на фасаде, с уже припавшими к земле углами и где была всего лишь одна комнатка.

Но место! Место, где стоял этот осиротевший дом — вот что привлекло Абрамова прежде всего! Высокий угор на семи ветрах, простор полей под ним и бегущая лента Пинеги, а за ней, как и в его детстве, белоснежные стены построек Веркольского монастыря и бескрайняя даль лесов таких, что взором не окинешь. И эта огромная «пекашинская» лиственница из далекого прошлого, что выросла на откосе, словно живой памятник его «Братьям и сестрам». А еще его неизменно влекла родительская усадьба, что была совсем рядом на его родном абрамовском печище, до которой было всего-то дорогу перейти.

Обременяя себя небольшим домишком на угоре, Федор Александрович надеялся в душе, что ему невольно удастся приобрести стоящий рядом, с левой стороны от фасада, уже нежилой ветхий большой дом, принадлежавший Анастасии Андреевне Абрамовой, после сноса которого можно будет поставить настоящий дом с конем. Но на уговоры Абрамова продать старенький дом Анастасия Андреевна ответила отказом, и с мечтой о строительстве большого дома на угоре Федору Александровичу пришлось расстаться. Дом этот в конечном итоге все же уберут, но случится это тогда, когда Федора Абрамова уже не будет.

Хлопоты по дому начались в мае, еще задолго до черемухового цвета, когда Пинега, едва освободившись ото льда, еще не согнала полые воды с прибрежных луговин — самая пора распути, время разбитых дорог.

Забота о приведении в жилое состояние собственного дома настолько захватила Абрамова, что он на время превратился из писателя в прораба и плотника, решив самостоятельно решать вопросы не только с доставкой необходимого материала, но и принимать непосредственное участие в строительстве.

Почти сразу после покупки дома о своем веркольском приобретении Федор Александрович рассказал в письме Михаилу Щербакову, попросив его помочь в стройке. Вероятнее всего, Щербаков не одобрил приобретения.

Вот строки из его дневника, хранящегося в музее Федора Абрамова в Верколе:

Мнение веркольцев — не дом, а гнилье. Под гору бы скрыть бульдозером. Развалюха и т. д. А между тем передняя часть дома рублена из соснового сухостоя. Бревна смолистые, крепкие. Стены под наружной обшивкой будут стоять век. В общем, дом будет хороший.

И тут же в дневнике находим запись с прямо противоположным мнением:

Советую Ф. А. строить новый дом из бруса. Брус — в Ваймуше. Но он купил небольшой старый дом (500 руб.).

Место очень хорошее. По сути дела, не дом, а место купил. Приглашает недели на 2 в Верколу помочь ремонтировать этот дом. Я дал согласие.

Уже 12 мая, еще до начала работ, Щербаков, осмотрев дом, записал: «Старый. Окладные венцы фундамента совершенно сгнили. Крыша плохая... Рамы требуют замены. Решили ехать в Карпогоры за вагонкой, шифером, обойными материалами, гвоздями и прочее».

Так что крыльцо, печка и забор, о которых упоминала в своем письме Минина, были лишь малой толикой того, к чему предстояло приложить руки. Федору Александровичу фактически пришлось перестраивать дом заново, оставив родными лишь бревна четырех стен, да и то с частичной их заменой. Даже фундамент и тот пришлось укреплять.

«14 мая — начало работ, — читаем в щербаковском дневнике. — Участвует племянник Володя (Владимир Михайлович Абрамов. — О. Т.). Сменили окладные венцы 4-х стен. Ф. А. разочарован, представив объем работ.

17 мая распилили на брусья 4 бревна (на совхозной пилораме). Весь день ушел на установку половых балок на камни, печного шеста и наборку пола.

Мысль у Ф. А. написать „плотницкую грамоту“ („Строительное дело“ сначала озаглавил)...

Разобрали крышу, сняли фронтоны, изготовили 4 пары стропил — 2 пары поставили. Облицевали угол комнаты сухой штукатуркой. 20 мая крыли крышу, 21 мая сложили печь... На следующий день заделали стенку в коридоре. Установили половые балки. Настилили пол. Окосычили окна... Следующим днем покрыли крышу. Фронтоны. Потолок... 25 мая заделали стену с крыльца, очистили двор, закончили работу с фронтоном».

И все эти две недели, пока чинился дом, Федор Александрович неотлучно находился при стройке.

«Опыт строительства, — напишет в своей книге „Дом в Верколе“ Людмила Владимировна, — обогатил Федора и как писателя. Многие впечатления, трудности, переживания и конфликты весны 1974 года отразились затем в романе „Дом“, над которым Федор Александрович только-только начал работать».

Так, в мае 1974 года в Верколе, в самом красивом месте деревни, у Федора Абрамова появился свой собственный дом в одну небольшую, но просторную и уютную комнату, которая будет служить ему и спальней, и столовой, и писательским кабинетом. Рядом Пинега, за ней монастырь и простор лесов — все то, что он видел в детстве. «Волнами, пестрыми табунами ходит разнотравье по лугу... а за лугом поля, Пинега, играющая мелкой серебристой рябью, а за Пинегой прибрежный песок-желтяк, белые развалины монастыря, красная щелья и леса, леса — синие, бескрайние, до самого неба...» — так описывал Абрамов то, что окружало его дом.

А впрочем, могло быть все иначе, получи Федор Александрович земельный участок в Комарове, которого он безрезультатно добивался на протяжении многих лет. Да и постройка дома в Комарове наверняка бы очень сильно отвлекла его от Верколы. Но самое главное — он по-прежнему бы приезжал на Пинегу в качестве гостя. И кто знает, насколько частыми были бы эти приезды. Но вряд ли бы комаровский дом стал ему настолько дорог, как этот с виду неказистый веркольский домишко, выстроенный на той земле, что помнила его детские шаги.

Уже в своих поздних дневниковых записях 1981 года Абрамов напишет: «Дом-то мой едва ли не самый жалкий в деревне. Маленький. В три окна... Впрочем, ощущение бедности, малости лишь на первых порах. А потом пройдет какая-то неделя, и я уже бесконечно влюблен в свой дом».

Невелик, но уютен получился абрамовский дом всего-то в три оконца. Не так уж просторна комната, служившая и местом отдыха, и местом для встречи гостей, и столовой, и писательским кабинетом. Из всей мебели — самое необходимое да печь-столбик почти у самого входа в одну-единственную комнату.

Благоустройство веркольской усадьбы, как и самого дома, займет у Федора Александровича еще не один год. Но это уже не будет тем марафоном, что случился в мае 1974 года. Постепенно будут устраняться все шероховатости и недочеты спешной стройки. Спустя некоторое время летняя веранда превратится в кухню и рамы в доме погородскому «заиграют» петлями. Уже на следующий год рядом с домом появится свежесрубленная новенькая баня, разобьются клумбы, и лишь амбарчик в углу усадьбы, доставшийся в наследство от прежней хозяйки дома, будет напоминать о ее прошлом, и Федор Александрович наотрез откажется его сносить. «В амбаре жизнь моих предков», — будет отвечать он на все предложения освободить усадьбу от неказистого векового строения, давно потерявшего свою хозяйственную надобность.

Со временем появятся на усадьбе и березки с осинками, высаженные племянником Владимиром и его супругой Анисией по просьбе Федора Александровича, и кусты смородины с малиной. В письме от 17 октября 1977 года Владимир Михайлович, отчитываясь дядьке о проделанной работе, напишет: «Все, что ты говорил мне сделать по твоему дому, я в основном сделал. Привез машину чернозему, потом два вечера ездил за деревьями. Дай бог чтоб они принялись, посадил высокие, будет очень плохо, если они не примутся. Потом после первого заморозка ездил за смородиной. Ездил туда к Ворге и на Хорсу, посадил там, где ты размечал. Осталось только весной посадить два тополя... А весной я обязательно посажу малину где ты указал».

«Мой дом — как пароход, — запишет Абрамов в своем дневнике 28 июля 1981 года, — как птица, приготовившаяся к взлету. Полное растворение в мироздании».

Домики в Верколе станут для Федора Абрамова не просто райским приютом на летние месяцы всех последующих лет его жизни, но и еще более тесной связью писателя с родиной, без которой он себя просто не мыслил. Под его крышей он закончит последний свой роман «Дом», будет обдумывать «Чистую книгу», здесь родятся рассказы-этюды «Травы-муравы», записи его дневников и записных книжек, да и много еще че-

го, что станет впоследствии литературным наследием писателя Федора Абрамова. Конечно, в жизни Абрамова по-прежнему будут Комарово с Опальневым, дальние заграничные поездки и путешествия по своей стране, но с лета 1974 года его главным притяжением станет скромный веркольский дом, без которого он уже не мыслил своей Верколы.

В 1975 году постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР за трилогию «Пряслины» Федору Абрамову будет присуждена Государственная премии СССР.

Вместе с ним высокой наградой будут отмечены еще два писателя — Борис Васильев за сценарий фильма «А зори здесь тихие...» и Гавриил Тропопольский за повесть для детей «Белый Бим Черное Ухо», посвященную Александру Твардовскому.

Как и полагается по таким случаям, скупая официальная информация о лауреатах пройдет в центральной партийной прессе. Ее же 14 ноября 1975 года опубликует «Литературная Россия».

Валентина Эйсуле 10 октября, словно чувствуя внутренний настрой Абрамова отнositельно премии, признавалась ему в письме: «С большой радостью узнала, что „Пряслины“ выдвинуты на премию, узнала не из газет, а раньше. Может быть для Вас самого не так уж важно, получите Вы премию или нет, Вы свое сделали, но это важно для других, а почему — Вы сам знаете».

Абрамов действительно принял эту награду без показной радости, хотя первое время лауреатскую медаль на лацкан пиджака нет-нет да и прикалывал. Уже в первые дни после свершившегося лауреатства Федор Александрович в письме 28 ноября 1975 года Галине Яковлевне Симиной в ответ на поздравление последней писал: «Должен, однако, сказать, что хлопот с премией этой не оберешься. Знаете, например, что я сейчас делаю? Скрываюсь от людей — от корреспондентов, всяких делегатов и пр. Сажу дома взаперти, выхожу на улицу только в темноте, а Люся всем отвечает: нет дома. Срочно уехал в Архангельск».

Он по праву мог гордиться этой заслуженной, выстраданной им наградой, которая и в этот раз вполне могла пройти мимо его порога, ведь одновременно с ним на первое место претендовали не кто-нибудь, а Даниил Гранин со сборником «Прекрасная Ута» и Виктор Астафьев с трогательной автобиографической повестью «Последний поклон», противостоять которым при голосовании было весьма непросто. На этот счет в абрамовском дневнике есть такая запись: «24 октября 1975 года... Премию — дали... Самое удивительное: прошел единогласно. Но борьба была великая... Счастлив ли я? Не вышибло ли ум от радости? Нет. Довольно спокойно все принимаю, хотя премия — событие. Ведь это что же? Критическое направление в литературе утверждает... Ни единого шага не предпринял я, палец о палец не ударил, чтобы получить премию. Никого не просил, никому не звонил. И так держать впредь».

После того как в прессе прошла публикация постановления секретариата правления СП РСФСР о номинантах, в прессе началось бурное обсуждение представленных к соисканию произведений. «Пряслиным» досталось больше всего. «Певец советской деревни» Аллы Беязковой в «Вестнике агентства печати» 3 июля и «Эпос народной жизни» Евгения Сидорова в «Литературной России» 18 июля, многочисленные статьи в «Литературной газете» и «Вкус пекашинского хлеба» Игоря Дедкова в «Комсомольской правде» 5 сентября... «В ряду талантливых книг, составивших явление „деревенской прозы“, — будет значиться в статье Дедкова, — трилогия Федора Абрамова „Пряслины“ по праву может быть названа наиболее полным и последовательным художественным свидетельством о жизни и подвиге русской деревни в военные и послевоенные годы».

И вот парадокс: в печати не появилось не одной статьи с негативным отзывом о трилогии. Словно разом были забыты все грандиозные перипетии, связанные с романами «Две зимы и три лета» и «Пути-перепутья», которые, как ранее говорили, были сплошь наполнены «очернительством советской действительности».

По сути, это были полная реабилитация «Пряслиных» на высоком партийном уровне и полное торжество абрамовской правды в слове. Разумеется, сам Федор Александрович это хорошо понимал, но верил ли? Верил ли в то, что своим словом сумел побороть безропотное время застоя в чиновничьих умах, долгое время не желавших признавать правду о послевоенной деревне? Неужели ему простили все «заслуги»: «письмо 31-го» и чуть раньше единоличное письмо в защиту Солженицына, которого 12 февраля 1974 года арестовали, лишили гражданства и выслали из страны? Забыты два постановления ЦК партии по его творениям и много еще чего в его критическом направлении литературы? Вряд ли Абрамов мог на это ответить. К тому же это были годы решительной борьбы государства с инакомыслием — диссидентством, которое принудительное или добровольное — неважно — расцвело в стране махровым цветом. А Абрамов, чье произведение «Вокруг да около» издавала заграница от Европы до США? Про него словно забыли! И вот — Государственная премия. И не только!

Еще до получения премии Абрамову в октябре 1975 года поступит предложение возглавить Ленинградское отделение Союза писателей, на что он ответит отказом. Чиновничество было не его стезей. Тогда-то он и запишет в своем дневнике: «Все сразу: секретарь СП РСФСР, секретарь СП СССР, член обкома, делегат 25-го съезда... издания во всех республиках, неограниченные поездки за границу, по стране. И цена за все это — возглавить ленинградских письменников. Подкуп это?»

Справедливости ради надо сказать, что в этот год 6 июня решением Госиздата РСФСР Федор Александрович был представлен на соискание еще одной литературной премии — Государственной премии РСФСР им А. М. Горького.

Можно предположить, что это было сделано для определенной подстраховки, возможно, дуближа на случай промаха с Госпремией СССР. Так, к примеру, произошло с «Последним поклоном» Астафьева, который в этом году в числе других произведений писателя все же был отмечен Горьковской премией.

Спустя несколько месяцев после получения Федором Александровичем премии Вера Бабич, поздравляя писателя с заслуженной наградой, 3 апреля 1976 года напишет: «Я воздвигаю в своем сердце памятник людям твоих книг, в которых живешь ты и для которых ты родился, чтобы нести им ответную любовь твою. Книги твои, как музыка — их принимаешь сердцем, сердцем оцениваешь».

И как хорошо, что эту самую музыку абрамовской прозы наконец-то услышали там, в верхах, в октябре 1975 года.